

Дэвид оказался на своей импровизированной кровати почти сразу, как только они вошли в комнату, стоная от изнеможения. «У меня было гораздо больше работы, чем я ожидал...» — пожаловался он.

— проворчала Луиза со своего места, свернувшись калачиком на односпальной кровати, раздраженно скрестив руки на груди. «Ты выглядел счастливым, флиртуя с половиной клиентов». она сказала.

Он взглянул на нее со своего места на полу. «Это была только одна девушка, и я убежал от нее так быстро, как только мог. Она меня почему-то напугала». Он нахмурился. "И вы получили бесплатный пропуск на день благодаря всему этому фиаско. О чем вы думали, нам нужно это место!"

Луиза хмыкнула. «Что это за комната вообще? Одна кровать, никаких украшений, и я почти уверен, что видел мышь раньше!»

«Скаррон сказал мне, что дворяне приходят сюда и никогда не жалуются». он указал.

Он вздохнул, укрылся простынями и отвернулся от нее. «В любом случае, сегодня много чего произошло, и я вымотан. Давай, жалуйся, я иду спать».

«Спокойной ночи, партнер».

— Спокойной ночи, Дерф.

Он задул маленькую свечу, служившую единственным источником света в комнате, и чердак погрузился во тьму, если не считать серебристого света луны, проникающего через маленькое окошко.

Он закрыл глаза, пытаясь уснуть, прежде чем осознал, что Луиза ерзает на кровати, и мысленно вздохнул, вспомнив эту сцену. Он надеялся, что на этот раз все будет по-другому.

~~~пропустить, потому что не любит двойные пробелы~~~

Луиза сидела в темноте, обхватив руками ноги, и смотрела на спину мальчика, лежащего на полу.

Ему действительно все равно, что я его хозяин, не так ли? — подумала она про себя. Такой непослушный... Он как будто не понимает нашу кастовую систему...

Она моргнула, прежде чем улыбнуться. Точно, чуть не забыл. Он не от мира сего, он не понимает нашу систему...

Она тихо вздохнула, и ее улыбка погасла, когда она вспомнила их разговор во время Бала Фригг. Он собирается вернуться в свой дом когда-нибудь. Он уже знает, как это сделать, он просто ждет первого шанса, который ему выпадет.

Неужели он так сильно ненавидит этот мир? Неужели здесь было так плохо? Он все время вел себя так умиротворенно, что она легко забыла, что ему здесь не нравится.

Или проблема была не в этом мире? Может ли она быть причиной того, что он хотел уйти? Она знала, что плохо с ним обращалась, хотя и не думала, что наказала его НАСТОЛЬКО... или наказала?

...Была ли она?

Ее глаза расширились, когда она поняла, что прекрасно помнит несколько раз, когда она активно нападала на него за тот или иной проступок, и еще много раз, когда она просто игнорировала его, независимо от того, что он делал...

...Она не помнила, чтобы когда-либо вознаграждала его за какие-либо добрые дела, которые он делал, а их было на удивление много, учитывая, как недолго он был ее фамильяром и как он был ограничен ее жестким образом жизни.

Она признала, что он все еще поддерживал достойный уровень жизни, даже несмотря на то, что был связан с ней. И вообще, почему она так плохо с ним обращалась?

У нее не было причин. С тех пор, как он прибыл, она мало задумывалась о его личности, решив относиться к нему как к простолюдину. Но он не был, не так ли? Он не был ни простолюдином, ни дворянином.

Он был просто Дэвидом.

Она снова улыбнулась, качая головой. Если бы она сказала ему, о чем думает сейчас, он рассмеялся бы своим бесящим смехом, смехом, не заботящимся о том, разговаривает он с дворянином или нет, а потом сказал бы ей, что она глупая. Он указывал на множество недостатков в ее мыслительном процессе, не заботясь о том, что она дворянка и его хозяйин. Он раскрошит ей мозг и заставит почувствовать, будто это она виновата в том, что она глупа.

А потом она злилась, потому что не могла отрицать, что он говорит правду, и угрожала выпороть его, хотя на эту миссию она даже не взяла с собой хлыст. Он посмеется над ее угрозой, а она еще больше разозлится, потому что он осмелится проигнорировать свое будущее наказание, а потом он споет ей песню, и она забудет, почему вообще злится.

Она так погрузилась в свои мысли, что даже не отреагировала, когда летучая мышь пролетела через ее поле зрения к открытому окну, ее писк нарушил оглушающую тишину в комнате.

Всегда было одно и то же, не так ли? Бесконечная петля ее издевательств над ним, а он принимает все спокойно. Каждое их взаимодействие было идентичным. Ее гнев по малейшим вещам брал над ней верх, и он только и делал, что дразнил ее, когда она реагировала.

Ей пришло в голову, что он никогда не дразнил ее, если она уже не злилась. В те несколько раз, когда они нормально разговаривали друг с другом, он разговаривал с ней точно так же, как с пышногрудой горничной, которая, казалось, всегда была рядом.

Она бы позавидовала груди этой черноволосой девушки, но по какой-то причине она понимала, что Дэвид практически не интересовался ею, даже после того, как спас ее из рук Мотта.

Ей все еще было трудно поверить, что именно он раскрыл предательство бывшего придворного посыльного. У Дэвида было гораздо больше, чем она видела, не так ли?

Не то чтобы она много видела. Раньше она никогда не тратила время даже на то, чтобы признать, что он не заслуживал того обращения, которое она с ним оказывала, и она знала, даже не зная, что он построил стену в своем сердце против нее.

Почему-то ей было больно думать об этом. Она почувствовала укол в груди от осознания того, что Дэвид недостаточно доверял ей, чтобы рассказать об инциденте с Моттом, и она не сомневалась, что он скрывал еще больше.

Голуби, которые иногда прилетали в их общую комнату, когда он думал, что она спит. Все более частый обмен услугами между ним и Кирхе. Как Фуке, казалось, отодвинулся на несколько дюймов от того места, где она лежала, когда она повернулась спиной, хотя он утверждал, что она мертва. Тот знающий взгляд, которым он поделился с Генриеттой во дворце, которого, как он думал, она не заметила.

Она не знала, какое значение имеют все эти мелочи и, без сомнения, многие другие, которые она не уловила, но она знала, что они означают.

Он не доверял ей. Это было так просто. Из-за того, что она так сильно сдерживала свое разочарование в своей семье, он отгородил от нее свои внутренние мысли.

Боль в груди вернулась, хотя она не могла понять, почему. Почему ему было так больно осознавать, что он не может видеть ее так, как Генриетту? Почему она вообще заботилась?

Она, конечно, знала ответ. Она просто не могла этого признать. Она давно отказалась от Варда, но не могла смириться с тем, что, возможно, уже заменила его кем-то другим... и менее всего своим фамильяром.

Но он не видел в ней своего хозяина, не так ли? Тогда какое значение имело то, как она его видела? Она не могла изменить его, как ни старалась, и теперь она поняла, что не хочет этого.

Она хотела его таким, какой он есть. Все его достоинства, все его недостатки, она хотела сохранить все.

Она знала, что у нее мало шансов восстановить мост между ними... Нет, такого моста никогда не было. Это была зияющая пропасть, непроходимая скала с другой стороны, на которую она знала, что не сможет взобраться.

Если бы он услышал ее мысли, то сказал бы ей, что она ведет себя как ребенок, а затем погладил бы ее по голове, как Каттлея, когда ей было 6 лет. цикл начнется снова.

Она не могла изменить себя, как и не могла изменить его. Но... со своими собственными проблемами она все же могла попытаться.

<http://tl.rulate.ru/book/65667/2044271>